

НЕКРОЛОГ

Юрия Карабчиевского я знал мало. Смерть уравнила и показала: все мы знали его мало, недостаточно. Все.

В грохочущем вагоне метро мы говорили о еврейском вопросе. «Ошибка в том, — сказал Карабчиевский, — что все норовят решить проблему с налета, дать окончательный ответ. А над этим всю жизнь надо думать». Вся жизнь — полная мера.

Настоящий писатель — это прежде всего человек, наделенный несуетным благородством речи, этой попытке — хотя бы мгновениями — воспроизвести ход времени.

Он был старшим. Он был мудрым — не безошибочным, а светлым. Таким и останется в памяти. «Сижу, пишу, иногда и печатают. Знаете, я так счастлив, что даже неудобно, ведь жизнь-то вокруг какая...» Уединяться, писать, иногда публиковаться — в последние годы он наконец получил эту возможность. Оказалось, и это — внешнее, и это еще не счастье?... А что же в глубине — тоска по Армении, тоска по Израилю, тоска по России? По горной родине, которой все принадлежим, которую все ищем — армяне, евреи, русские?..

Набрать бы номер: «А вы что думаете об этом?..»

Юрий Аркадьевич, Юра, простите неизвестно за что, а Господь Единый простит всех нас.

Простите, прощайте, светлый Вы человек.

Владимир ПОТАПОВ,

«Новый мир»
